

ПРОСВЕЩЕНИЕ 4,2020

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

“...Разделение труда и частная собственность - тождественные понятия: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом - по отношению к продукту деятельности”.

К.Маркс, Ф.Энгельс “Немецкая идеология”

Это положение марксизма мы считаем основополагающим, и будем напоминать его до тех пор, пока оно не станет таким же общепонятным, как и закон сохранения энергии.

Содержание

От редакции	
Опять о юбилеях	3
Имена	
Исайчиков В.Ф. Некоторые моменты научного взаимодействия Маркса, Энгельса, Даниельсона и Плеханова	4
Социализм: вопросы теории	
Апанасенко Т.Е. Критерий определения перспективности экономической теории	30
В партиях и движениях	
Исайчиков В.Ф. О партийных платформах вообще и Марксистской платформе в частности	40
Литературные страницы	
Венец И.Я. Размышляя о Фете-переводчике	50
Критика и библиография	
Иванова В. Неверно оценивая нашу жизнь	39
Кац Л. Неудобный класс. Для кого?	54

Косолапов Ричард Иванович

Имена

В.Ф.Исайчиков

НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ НАУЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ДАНИЕЛЬСОНА И ПЛЕХАНОВА

(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.ЭНГЕЛЬСА)

Предисловие. В связи с юбилеем Фридриха Энгельса Ассоциация марксистского обществоведения (АМО) решила провести научную конференцию в Петербурге на базе Дома Плеханова РНБ, и автор получил на неё приглашение. Предварительные требования к докладу были установлены в 40000 знаков, и автор подготовил текст, но в объеме более 50 тыс. знаков. Во время подготовки конференции она трансформировалась в составную часть международного форума «Энгельс-XXI» - Международную конференцию-мемориум «Фридрих Энгельс и наука XXI века» и прошла в интернет-формате (очно в Доме Плеханова выступили только автор и Т.И.Филимонова). После конференции организаторы приняли решение выпустить сборник докладов, но с ограничениями по объему в 18000 знаков. Сокращение подготовленного текста в три раза в значительной мере обкарнало ряд аргументов и упростило некоторые идеи, поэтому автор решил опубликовать доклад, с редакционными правками и добавлениями, в том числе по результатам обсуждения доклада.

Вопросы научного взаимодействия Маркса и Энгельса особенно при том, что большая часть их научных бесед осталась неизвестной, заслуживают многих томов исследования. Хотя немало авторов посвятило этому свои труды разного уровня научности и добросовестности, но тема далеко не исчерпана*. Например, в книге коллектива авторов «Энгельс – теоретик» [1] приводится немало случаев такого взаимодействия, легко выявляемых из переписки или работ Маркса и Энгельса.

* Под научным взаимодействием в данном случае понимаются как результаты прямого взаимодействия по научным вопросам в устных беседах и переписке, так и анализ, развитие или ревизия идей одного автора в публикациях другого (или совместных публикациях).

Например, Энгельс летом 1850 года на примере Томаса Мюнцера и Крестьянской войны в Германии дал блестящий анализ ситуации победы преждевременной революции: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение ещё недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он может сделать, зависит не от его воли, а от того уровня которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий» [2]. А 15 сентября Маркс на заседании ЦК Союза коммунистов применил это открытие Энгельса к современной ему ситуации: «Пролетариат, если бы он пришёл к власти, проводил бы не непосредственно пролетарские, а мелкобуржуазные меры. Наша партия может прийти к власти лишь тогда, когда условия позволят проводить в жизнь её взгляды» [3].

Через три года Энгельс, ожидая нового революционного подъема, развил эту мысль применительно к возможной ситуации в Германии: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, - надо надеяться, только в физическом смысле, - наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже» [4]†. Следует также отметить, что при этом разница в подходах у Маркса и Энгельса сохранилась: Маркс считал, что коммунистическая партия придёт к власти тогда, когда можно будет проводить в жизнь её взгляды, а Энгельс – что в случае преждевременного прихода к власти партии придётся маневрировать, выполняя не только свои задачи, но и недоделанные задачи предыдущих этапов.

В данной работе мы коснёмся лишь некоторых вопросов научного взаимодействия Маркса и Энгельса, связанных преимущественно с их взаимодействием с Даниельсоном и Плехановым. Но есть вопрос, ко-

† Данный пример представлен в развёрнутом виде, поскольку приведённые цитаты нам пригодятся позднее.

торый, как представляется, авторы многих работ, в том числе книги «Энгельс - теоретик», предпочли обойти, но на конференции он был затронут в ряде докладов. В парадоксальной форме его можно сформулировать так: «Кто был первым марксистом?» Поскольку вопрос о том, кого можно называть марксистом, не имеет однозначного ответа [5], мы, несколько изменяя установленную ранее классификацию для столь неординарного случая, попробуем выделить то главное, что мы относим к марксизму – диалектико-материалистическое понимание истории и коммунистическую идеологию (которая на самом деле является следствием последовательного диалектико-материалистического понимания истории). При этом подходе очевидно, что первым научным коммунистом, марксистом был Энгельс!

Нельзя не согласиться с Г.А. Багатурией, когда он пишет, что работа «Наброски к критике политической экономии» (до ноября 1843 г.) написана «безусловно, с коммунистической точки зрения. ... «Наброски» представляют собой первый значительный опыт применения диалектики в области политической экономии». А вот годом ранее Маркс в статье «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung» выступил с недвусмысленно антикоммунистическими позициями: «Мы убеждены, что по настоящему опасны не практические опыты, а теоретическое обоснование коммунистических идей; ведь на практические опыты, если они будут массовыми, могут ответить пушками...» [6]. То есть, с марксизмом произошло почти то же самое, что произошло с христианством – фактический создатель религии лжеапостол Павел ранее был противником христианства мытарем Савлом. Каким образом в нашем случае произошло превращение Савла в Павла, то есть антикоммуниста в коммуниста, мы не знаем, но известно, что Энгельс был в это время пропагандистом коммунизма, а вот их переписка того времени не сохранилась.

Но главное не в том, кто сказал «мяу» первым. Как известно, кислород открыли Пристли и Шееле, но они не поняли, что они открыли. Лавуазье понял – и заложил основы современной химии, изгнав их неё флогистон. Когда приходит время, то и открытие может быть делом случая, и первооткрыватель может быть достаточно случайным. А иногда даже трудно сказать, кто первооткрыватель; знакомый изобретатель В.С.Гребенник рассказывал, что после обсуждения одной технической задачи с друзьями на следующий день ему пришла идея, как решить обсуждаемую проблему, и он подготовил заявку на изобретение. Но оказывается, что эта же идея пришла в голову его коллеге, и он тоже послал заявку – но на день раньше. При этом ни тот, ни другой участник обсуждения проблемы не были стопроцентно уверены, что именно ему эта идея пришла первому – при обсуждении был ещё третий участник, и не исключено, что именно он высказал идею, которую сразу никто не оценил (в том числе её автор).

Материалистическое понимание истории стучалось в головы, наверно, многим – но не все впустили эту идею в свои мозги, и, тем более, не все переварили эту идею до понятного и приемлемого для других вида. То, что именно Маркс превратил достаточно «сырые» идеи Энгельса в научную истину, в научную теорию – это заслуга именно его; но отделить творческое участие Энгельса при этом представляется невозможным.

О «разделении труда» в их совместной работе обычно говорят в том смысле, что при затухании революционной волны отсутствовали объективные условия для того, чтобы они оба могли заниматься теоретической работой. Энгельс принял мудрое и коммунистическое решение вернуться на отцовскую фабрику, чтобы помогать Марксу. Он помогал не только деньгами, но и регулярно писал за него статьи для газеты. В том разделении труда, которое возникло между ними, сыграли свою роль также их индивидуальные особенности и вкусы. Те идеи Энгельса о материалистическом понимании истории, которые воспринял Маркс, требовали политэкономической разработки на базе обширного научного материала. Эту работу лучше всего мог выполнить Маркс. Известно, что Энгельс не писал объемных работ; его единственная «толстая» книга – «Анти-Дюринг» на самом деле была написана как серия статей, и лишь потом сведена воедино. Именно поэтому работа над объемными рукописями «Капитала» для Энгельса была особенно тяжелой, тем более, что он при этом старался выдерживать стиль Маркса. Разница в стиле научной работы между ними видна, например, в таком формальном подходе, как отношение к цитированию. В работах Маркса, особенно в «Капитале», использовано множество работ других авторов с точными цитатами, а вот Энгельс предпочитал излагать идеи других авторов своими словами (цитирование Дюринга в «Анти-Дюринге» – скорее исключение, чем правило для Энгельса, и вынуждено ситуацией).

Некоторые исследователи вообще видели большую разницу в их политэкономических подходах, особенно после публикаций черновых рукописей «Капитала», полагая что при их доработке Энгельс искал ряд мыслей Маркса, изложенных в рукописях [например,7]. Возможно, что это и так, поскольку работа редактора неизбежно требует согласования различных незавершенных отрывков, отличающихся по трактовкам; но ведь Энгельс работал не только с самими текстами, но и устно многократно обсуждал с Марксом эти вопросы.

Научное взаимодействие Даниельсона с Марксом, Энгельсом и Плехановым (при том, что было только письменным), тоже заслуживает порядочной книги. Оно также не осталось без внимания исследователей, но большей частью далеко не самых глубоких. В связи с тем, что основные научные идеи Даниельсона стали особо актуальными уже после того, как большая часть исследователей его творчества ушла в небытие (научное или житейское), то вопросы научного взаимодействия Даниельсона с Марксом, Энгельсом, Плехановым и

Лениным требуют нового рассмотрения. Часть из них была рассмотрена не так давно В.В.Зверевым [8], и автор будет активно использовать результаты исследований Зверева (хотя не со всеми его трактовками может согласиться).

Научное взаимодействие Плеханова с Марксом и Энгельсом (при том, что часть устного взаимодействия и переписки Энгельса и Плеханова остаются неизвестными, да и некоторые письма сохранились лишь в переводах), в своё время исследовалось многочисленными авторами (включая Ленина). Но эти исследования заслуживают критического пересмотра из-за очевидной политической ангажированности или научной незначительности авторов. Эта работа требует больших исследований и заведомо в данной статье эти взаимодействия будут затронуты в ничтожной степени.

В данной работе вопросы научного взаимодействия указанных лиц будут затронуты преимущественно в связи с их взаимодействием с идеями Даниельсона, ибо не только его роль в науке требует своего пересмотра, но и, как кажется автору, через его взаимодействие с другими авторами можно лучше понять их взаимодействие друг с другом.

Но для затравки рассмотрим вопрос, аналогичный вопросу о первом марксисте в мире: «Кто был первым марксистом в России?» За Плехановым этот титул закрепился давно, но есть авторы, которые в этом сомневаются, и считают первым марксистом Даниельсона [9]. Вопрос был бы элементарно-логическим, если бы было однозначное понимание: кто такой марксист? Но поскольку существует несколько пониманий «марксистости» [5], то по одному из них к первым марксистам можно отнести М.Бакунина ☺, который был членом организованного Марксом I Интернационала и перевёл «Манифест коммунистической партии». Правда, вопрос о первом переводчике «Манифеста» сейчас оспаривается (на конференции об этом заявила Л.Л.Васина), но убедительных версий у историков нет, поскольку аргумент, что такой знаток немецкого языка, как Бакунин, не мог так плохо перевести работу, как мы увидим на примере перевода «Капитала», не убедителен. А поскольку высказывались предположения, что «Манифест» был переведён Н.Любавиным, который на звание первого марксиста России тоже не тянет, то от формальных подходов в данном случае необходимо отказаться.

Но чтобы прекратить споры в зародыше, автор утверждает, что первым и единственным «стопроцентным марксистом» в России был Ленин ☺. Все остальные марксисты были и есть марксистами неполными, частичными или самозваными - вопрос только в том, в какой части они были марксистами. Но то, что Даниельсона до сих пор незаслуженно относят к народникам - это явная ошибка. Причём в её утверждении многое сделано не только Плехановым, но и молодым плехановцем Лениным, старательно вслед за Плехановым причислявшим Даниельсона к народникам. Обычно Даниельсона упоминали

как идеолога народничества в компании Михайловским, В.В. (Воронцовым В.) и другими. Однако известно, что тот же Воронцов, наоборот, относил Даниельсона к своим идейным противникам-марксистам. Этот вопрос требует особого исследования.

Зверев верно отмечает, что при этом образ Даниельсона как народника сложился в годы сталинщины: «В 1930-е годы Даниельсон превратился в злейшего врага марксизма, препятствовавшего распространению этого учения, и «выразителя интересов кулачества и приспешника крупной буржуазии» [8, с.34]. Из приведённых у Зверева десятка работ того времени, клеймивших Даниельсона, автор добрался до одной - брошюры Д.Маркова [10], в которой фактически пересказывается работа Ленина «Что такое «друзья народа» и как они борются с социал-демократами». Даниельсон упоминается в куче народников, причём Марков упоминает его только под псевдонимом Николай - он (возможно, не зная его фамилию, так как Воронцов в этом же перечне назван по фамилии, а не по псевдониму). А в вот в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС даже в 1971 году в примечаниях к Полному собранию сочинений В.И.Ленина не только искажена его роль в переводе «Капитала», но и клеветнически утверждалось «Однако существа марксизма Даниельсон не понял и впоследствии выступал против него» [11].

В следующие годы редкие историки робко пытались пересмотреть этот штамп-клеймо. Зверев приводит работу Ф.М.Сусловой («Ф.Энгельс и социально-экономическая мысль России» М, 1970): «Ф.М.Суслова доказала, что Даниельсон в целом правильно отразил в своих работах временное сокращение внутреннего рынка страны в 1880-е гг, а постановка им вопроса об искусственном насаждении капитализма в России возникла на «почве изучения политики самодержавия». При этом Суслова отвергает упреки в адрес Даниельсона: «...Изменение общей тональности: неточность в понимании не является фальсификацией, неудачное использование методических подходов не исключает признания значимости теории». Однако она считала, что классовая позиция Даниельсона отражала интересы крестьянских масс и характеризовала его как идеолога крестьянской демократии [8, с.37-38]. Но это оценка - фактически уход от оценки, ибо марксизм - это идеология рабочего класса, а о своей приверженности марксизму именно как идеологии рабочего класса Даниельсон заявлял в своих первых известных работах - письмах в защиту «Капитала» в парижский журнал «La Philosophie Positive» (к ним мы вернёмся позже), так и в работах более позднего периода.

Даниельсон стал марксистом после выхода первого тома «Капитала» в 1867 г. (Плеханов в это время был гимназистом), и он сразу же поставил вопрос о необходимости перевода «Капитала» на русский язык. Если изучение «Капитала» стало началом воздействия идей Маркса на Даниельсона, то с началом переписки между ними началось обратное воздействие Даниельсона на Маркса - не только

текстами своих писем, но и оставшимся неизвестным (по содержанию) воздействием его друга (но не полного единомышленника) Г.Лопатина во время разговоров с Марксом. Об отношениях Маркса и Даниельсона А.И. Володин и Б.С.Итенберг написали несколько статей; приводим цитату о беседах Лопатина с Марксом о Даниельсоне: «Для понимания отношения Маркса к Даниельсону многое даёт письмо Лопатина к последнему от конца 1870-х годов: «Отношения эти такие же личные и душевные, как и мои, хотя сложились несколько иначе. Для человека, живущего жизнью мысли, понимающий его и сочувствующий ему корреспондент становится понемногу настоящим, живым другом, особенно когда он постоянно оказывает ему всякое дружеское содействие в его труде и принимает к сердцу даже его жизненные интересы. К тому же, в дружеских застольных беседах я так много болтал с К.К. (Марксом. – Авт.) и его семьёй о тебе, что ты известен им даже с физической стороны, т.е. облакаешься в их представлении плотью и кровью. При каждом моём возвращении из России они всегда усердно расспрашивали меня о тебе» [12,с.94]. Кроме того, к научному воздействию Даниельсона на Маркса следует отнести и подбор и высылку литературы (не только экономической) из России.

Маркс также высылал Даниельсону некоторую литературу, в том числе по деятельности I Интернационала – и она внимательно изучалась Даниельсоном. В письмах в редакцию журнала «Позитивная философия» (Париж), в которых Даниельсон защищал «Капитал» и Маркса от нападок Де Роберти, он ссылался на ряд документов Интернационала (правда, в этом случае полученных другим путём). Письма датируются концом 1868-началом 1869 г., и об отношении Даниельсона к Марксу можно узнать по короткой цитате: «Единственный представитель этой науки и [социальной] – Карл Маркс. Он первый возвёл её на эту степень. До него это было собрание множества фактов, личных мнений» [цит. по 13, с.110; в этой работе авторы приписали письма П.Л.Лаврову].

Это почитание Маркса-учёного осталось у Даниельсона на всю жизнь, но у учёного Даниельсона эта почтительность не превращалась в иконопочитание – он спорил и с Марксом, и с Энгельсом, и с Плехановым. Но чтобы лучше понять некоторые моменты этих споров, следует напомнить биографию Даниельсона. Николай Францевич Даниельсон родился в Москве в 1844 г. в семье выходца из Финляндии шведа-пивовара. Его отец рано умер, и Николая отвезли учиться на казённый счёт в Петербург в Коммерческое училище, которое он окончил с отличием. После окончания училища он поступил на службу в первый российский частный банк, в котором проработал более полувека до самой смерти в 1918 году (университет пришлось оставить из-за отсутствия средств на учебу). Служба в банке была единственным источником его существования, при этом, несмотря на неодно-

кратные предложения войти в состав акционеров, он отказывался стать капиталистом, оставаясь простым служащим.

Поскольку владельцы банка его ценили и неплохо оплачивали (в отличие от его друзей, например Г.Лопатина), то у Даниельсона была возможность при скромном образе жизни помогать товарищам, издавать «Капитал» и ряд других произведений (и, как предполагают Володин и Итенберг, через I Интернационал помогать забастовщикам в Базеле [12,с.84]). В отличие от своего друга Лопатина (который по своему разгильдяйству был плохим конспиратором и отсидел в 26 разных тюрьмах – и не только в России), он был не только крайне застенчив, но и осторожен. После короткой отсидки в Петропавловке (его вина не была доказана) он остерегался арестов и всякой публичности, не входил ни в какие нелегальные организации, и с Марксом и Энгельсом переписывался с соблюдением мер конспирации. При жизни он никогда не публиковал работ под своей фамилией, а пользовался либо псевдонимом «Николай –он», либо публиковал заметки без подписи. Скорее всего, часть его неподписанных заметок до сих пор не атрибутирована, как и неуверенно атрибутирован ряд переводов). Когда в 1908 году ему предложили вступить в общество писателей, он отказался, так как не хотел раскрывать свой псевдоним: служащий банка не мог рисковать, оставляя семью и друзей без материальной поддержки. В связи с этим в его легальных публикациях очень много завуалированных моментов. О его понимании «общества» мы поговорим позже, но, например, в легальных публикациях нет ни слова о революции, а только туманные слова об эволюции (хотя в общем подходе революция является одной из частей эволюции). Даже в 1908 году, когда появилась возможность опубликовать свою переписку с Марксом и Энгельсом, он в предисловии явно не выставлял даже мягких кадетских требований всеобщего избирательного права и «ответственного правительства». Однако его предложения (восходящие к идеям Герцена) о демократической системе, аналогичной сельской общине, но распространяющейся на волость, уезд, губернию и всю страну – это фактически предложение той системы Советов, которая сложилась только в 1917 году (в революции 1905 года Советы ещё не выросли в систему) [14,с.XI].

То есть, Даниельсон был человеком не публичным, учёным кабинетным, не партийным и наукой занимался из любви к человеку и истине. Когда в переписке Энгельс абстрактно говорил о том, что на пути своего капиталистического развития народные массы России перенесут ужасные муки, то получил гневную отповедь от Даниельсона, считавшего, что у России есть возможность избежать этих капиталистических мук, и Энгельс был вынужден сгладить свои слова [15].

Переписка Даниельсона с Марксом началась с предложения о переводе «Капитала» на русский язык, и первые вопросы научного обмена возникли в связи с переводом. Поскольку Даниельсон полагал,

что знает немецкий язык недостаточно хорошо, то вопрос о переводчике был весьма важным. Только благодаря усилиям Даниельсона состоялся перевод (первый в мире) первого тома «Капитала», при этом взявшийся за перевод М.Бакунин делал работу медленно и плохо (переведённая им глава оказалась настолько неудовлетворительной, что от его услуг отказались).

Перевод «Капитала» оказался делом весьма непростым, и у русских переводчиков возник к Марксу ряд вопросов. Поскольку первым переводчиком был друг Даниельсона Лопатин, который общался с Марксом в Лондоне лично (а до этого вопросы перевода Лопатин обсуждал с Даниельсоном), то трудно сказать, какие именно вопросы Даниельсона Лопатин донёс до Маркса, а какие вопросы задал сам. Однако известно, что основные вопросы были по первой главе «Капитала», и вот что написал об этом Даниельсон:

«Первая глава «Капитала» (в последующих изданиях – первый отдел), наиболее трудная для понимания, особенно в первом издании, для лучшего уяснения русским читателем, требовала, по мнению Г.А.Лопатина полнейшей переработки. С этим мнением согласился Маркс, обещав произвести эту работу; поэтому Г.А.Лопатин начал перевод со второй главы...

Между тем деятельность Маркса по организации международного Союза рабочих (International) и по управлению его делами отвлекли его от научных занятий, и он долго не мог осуществить свои намерения» [14, с.II].

Лопатин, рьяно взявшись за перевод, во многих случаях знакомился в библиотеке Британского музея с тем или другим автором, на которых ссылался Маркс, и нередко находил у них ещё более яркие ошибки и путаницу, чем это удалось Марксу. Маркс это принимал, внося поправки. Но неугомонного Лопатина на спокойную работу хватило ненадолго: «К сожалению, переведя треть первого тома, ... Г.А.Лопатин был вынужден бросить дальнейший перевод, так как взялся за дело более, по его мнению, неотложное и важное» [14, с.II]. А поскольку его очередная авантюра (попытка освобождения Н.Г.Чернышевского из ссылки) кончилась серьёзной отсидкой, то продолжить перевод был вынужден сам Даниельсон (главу 1 перевёл Н.Любавин).

К сожалению, ни Даниельсон, ни Лопатин не оставили воспоминаний о сущности их вопросов Марксу по первой главе «Капитала»; известно, что Маркс её впоследствии переделал. Из переписки Маркса и Лопатина этого времени сохранился лишь фрагмент письма Маркса (одно предложение), качество переводов которого вызывает сомнения (похоже, что оно переведено сначала с немецкого на французский, а затем на русский) и с «Капиталом» вовсе не связано.

Поэтому вопрос – закрыла ли переделка Марксом первой главы все сомнения Даниельсона и Лопатина – остаётся неизвестным. В предисловии к первому изданию перевода «Капитала» Даниельсон

сетует на трудности перевода, поскольку новая терминология автора не имеет соответствующих русских терминов, да и «сжатая абстрактная диалектика» Маркса перевод также затрудняла (при этом Даниельсон совершенно напрасно обвинял в недостаточной подвижности русский язык). Но при всём почитании Маркса Даниельсон не постеснялся упрекнуть его в интеллектуальном щегольстве: некоторые цитаты, помещённые на языках оригиналов (французском, английском, итальянском, латинском, греческом), затрудняли понимание мысли автора; Даниельсон их перевёл на русский [16, с.VII].

Разбор самого перевода – дело особого исследования, но даже по оглавлению видно, что некоторые термины переведены неудачно. Например, в главе 1 (переведённой Любавиным) название п.2 «Меновой процесс товаров» явно неуклюжее [16, с.V]. Перевод других терминов, отличных от «канонических» переводов ИМЭЛ (на основе перевода Скворцова-Степанова и его группы), требует особого анализа, поскольку «канонический» перевод сам местами крайне неудачен; например, в переводе названия первого параграфа первой главы I тома из 7 значимых немецких слов верно переведено только 2. А по вопросу перевода корня wert до сих пор продолжается «битва остроконечников с тупоконечниками», когда одни авторы переводят это слово только как «стоимость», а другие – только как «ценность» (на самом деле его нужно переводить и как «стоимость», и как «ценность» – в зависимости от контекста). И «Капитал» – не единственное произведение Маркса, плохо переведённое на русский язык – то же самое можно сказать, например, о «Тезисах о Фейербахе» [17].

Но научное взаимодействие Маркса (а затем Энгельса) и Даниельсона не ограничивалось вопросами переводов. Более важным было взаимодействие Даниельсона с Марксом по вопросам политэкономии применительно к российским условиям. Но вот назвать это взаимодействие однозначно успешным трудно, ибо рядом с отдельными успехами имелись серьёзнейшие неудачи, как для Маркса, так и для Даниельсона – и для мировой науки. Как известно, Даниельсон снабжал Маркса всей доступной литературой по российской экономике. У нас нет уверенных сведений о том, что думал и собирался делать Маркс в результате её изучения, но факт остаётся фактом – после выхода первого тома, его корректировки во втором издании и работы с переводами первого тома Маркс практически прекратил работу над почти готовыми вторым и третьим томом «Капитала» (к этому вопросу мы вернёмся позже).

Но планы Даниельсона по научному взаимодействию с Марксом известны:

«Затем, после установления между автором «Капитала» и его переводчиком письменных сношений, Николай – он, желая ознакомить Маркса с русскими хозяйственными условиями, дававшими возможность наблюдать ещё в ту пору формы докапиталистического производства, а также возникновение и развитие производства капитали-

стического через ряд промежуточных форм, стал посылать ему всё существенное по этой части, что только выходило в то время в России. ... Н.-он имел при этом кроме того в виду, что использование этого огромного, прекрасно разработанного статистического материала поможет фактическому подтверждению некоторых основных положений «Капитала», а также установлению генезиса прибавочной стоимости в капиталистической её форме путём исследования переходных её форм от барщины, через испольщину, отработки, к аренде. То же самое в обрабатывающей промышленности доставляют данные о кустарных промыслах и т.п. Независимо от этого, у Н.-она была в то же время надежда, что будет, наконец, с научной целью использован огромный труд сотен земских работников, что данные, полученные ими, явятся звеньями цепи, связывающей всё общественное хозяйство в одно целое, и этим самым не только осветят весь ход нашего хозяйственного развития, но, кроме того, покажут самим земским исследователям то, что есть наиболее существенного в их работе, что относительно мало существенно и чего в них, может быть, не хватает.

К величайшему сожалению, все эти надежды не осуществились. Вся огромная работа Маркса по изучению материалов русской хозяйственной жизни пропала даром для науки. Второй и третий том «Капитала» появились в том виде, как они были написаны в 60-х гг. Русские материалы 70-х годов остались неиспользованными... В кружке интимных друзей Маркса Н.-ону ставили в вину, что он присылками русской хозяйственной литературы отдалает время появления второго и третьего томов «Капитала», так как Маркс слишком увлекался, по мнению его друзей, изучением богатого материала, который давала русская земская статистическая литература и другие русские работы по общественно-хозяйственным вопросам*» [14, с.IV-V].

Сожаления Даниельсона, с одной стороны, справедливы, поскольку материалы по русской статистике (по оценкам Энгельса – два кубометра), так и остались либо вовсе не обработанными, либо лишь в выписках, которые после опубликования в пяти томах «Архива Маркса и Энгельса», похоже, так и остались невостребованными. С другой стороны, наверное, будь у Даниельсона побольше амбициозности и уверенности в своих силах, то он мог хотя бы попробовать самому переработать этот материал. Даниельсон достаточно уверенно применял марксистские методы исследований, и именно Маркс уговорил его написать первую статью с анализом экономического положения в России, разрешив использовать в ней материалы своих писем с обсуждением этого вопроса, Фактически первая статья Даниельсона

† По словам Поля Лафарга, как-то Энгельс смеясь, сказал Марксу: «Я бы с удовольствием съёл русские издания по земской сельскохозяйственной статистике, так как они вот уже сколько лет только мешают тебе закончить «Капитал». (Die Neue Zeit, 29 Juli, 1905, стр.560). [Примечание Даниельсона]

была написана совместно с Марксом; имелись ли иные примеры такого взаимодействия Маркса с другими товарищами, автору не известно, но этого одного вполне достаточно, что бы считать Даниельсона первым русским марксистом, причём признанным самим Марксом.

После смерти Маркса Даниельсон сделал попытку взвалить эту работу на Энгельса, тем более, что в распоряжении Энгельса была не только вся библиотека Маркса, но и ряд его выписок из русских и американских книг. Но к большому огорчению Даниельсона от русской библиотеки Маркса (можно было бы сказать – Маркса-Даниельсона) Энгельс после смерти Маркса избавился быстро, передав её Лаврову в Париж (за исключением нескольких книг, возвращённых Даниельсону). И в этом нельзя упрекать Энгельса: он трезво понимал, что работа, которая ему предстоит с рукописями Маркса, не оставит ему возможностей всерьёз вникать в русские книги. Он надеялся, что из выписок по России и Соединённым Штатам ему удастся подготовить отдельную книгу, но и эти планы осуществить не удалось, так как ему не удалось даже выпустить последний том «Капитала» - «Теории прибавочной стоимости». Энгельс честно признавался Даниельсону: «...Всё моё время до такой степени занято опубликованием рукописей, что я вынужден прервать не только всякую не связанную с этим работу, но даже и свои научные занятия и едва нахожу время для писем; так что как видите, я не могу воспользоваться Вашим любезным предложением посылать мне оригинальные русские работы по экономическим вопросам: у меня положительно не было бы времени воспользоваться ими» [18, с.259-260].

И мы знаем, что Энгельс на самом деле «наступил на горло собственной песне», прервав работу над очень нужной книгой «Диалектика природы». Некоторые товарищи предлагали Энгельсу не кропотливо разбираться в различных вариантах рукописей, а написать эти тома самому, используя материалы Маркса – это было бы гораздо проще. Но Энгельс был твёрд: «Для меня важнее всего, чтобы книга вышла как можно скорее, и затем особенно важно, чтобы то, что я издаю, было настоящим произведением *Маркса*» [18, с.247]. Возможно, что это и не совсем относится к теме научного взаимодействия, но без человеческих качеств и научное взаимодействие может оказаться сомнительным.

Вопрос о том, почему же Маркс не завершил почти готовую работу над «Капиталом», остаётся не решённым полностью до сих пор. У него было пятнадцать лет после выхода первого тома для работы над оставшимися томами, но он занимался не только выписками из работ по экономике России и Соединённых Штатов, которые так и не кончил, но и над совершенно посторонними математическими рукописями.

Энгельс в письме Даниельсону дал своё объяснение: «Очень Вам благодарен за сделанные Вами выписки из писем автора за 1879-1881 годы. Читая их, я не мог удержаться от грустной улыбки. Увы,

мы все так привыкли к подобным объяснениям того, почему труд не был завершён! Всякий раз, когда состояние здоровья не позволяло автору продолжать работу, это сильно угнетало его, и он рад был найти хоть какое-нибудь теоретическое оправдание тому, что работа не могла быть тогда закончена. Все эти аргументы он в то время приводил и в разговорах со мной, и они, казалось, успокаивали его» [18, с.265]. То есть, по Энгельсу, Маркс выдумывал теоретические проблемы, которые якобы мешали ему завершить работу, исключительно из-за состояния здоровья. В письме Ф.Зорге, написанному на следующий день после смерти Маркса, Энгельс, говоря о последних годах жизни Маркса, был более категоричен: «И видеть, как этот мощный, гениальный человек прозябает, превращаясь в развалину к вящей славе медицины ... нет, в тысячу раз лучше то, что случилось... После всего того, что предшествовало этому и чего даже врачи не знают так, как знаю я, оставался, на мой взгляд, только этот выход» [19, с.359]. И в этом объяснении, разумеется, много верного, особенно это касается двух последних лет жизни Маркса. Но представляется, что последствия инсульта проявились на десять лет раньше. Они не были столь явными, но определённо мешали именно умственной деятельности. Например, при чтении набросков письма В.Засулич (особенно первого) явно видно, как трудно Марксу выразить свои мысли, сколько раз он начинал письмо заново с повторами [20, с.400-421]. Поскольку это письмо по своему содержанию было близко написанному четыре года назад письму в редакцию «Отечественных записок», то, похоже, что в тот момент Маркс затруднялся его повторить. В результате было отослано письмо гораздо короче и проще того, что было проработано в черновиках, хотя в набросках было высказано много очень ценных и глубоких мыслей, которые были бы крайне полезными для революционеров не только России, но и других стран. К сожалению, до них не дошли руки не только у Энгельса, но и у вождей германской социал-демократии, хранивших их под спудом десятки лет – они были опубликованы лишь в 1924 году в СССР. Но самое поразительное, что письмо Маркса Плеханов запретил Засулич кому-либо показывать, и оно так и осталось неопубликованным до 1924 года – пример явного политиканства Плеханова.

Кстати, похоже, что об этом письме не знал даже Энгельс, поскольку в беседе с А.Воденом, входившим тогда в группу Плеханова, он упомянул только письмо в «Отечественные Записки» (кстати, опубликованное в России усилиями Даниельсона в 1888 году в «Юридическом вестнике»), но ничего не сказал о письме В.Засулич.

Письмо Засулич характерно ещё тем, что в нём Маркс упомянул болезнь нервов, которая мучила его десять лет и мешала ему ответить вовремя. В популярных книжках вопрос о болезни Маркса если и не обходится, то затушевывается [например, в 21]. Специальных статей с ретро-диагнозом болезни Маркса автору не попадалось, в то время как, например, ретро-диагнозы Александра Македонского, Му-

соргского и Достоевского показывают, что их общеизвестные диагнозы неверны: Мусоргский и Македонский страдали и умерли от весьма редких, но сейчас известных, болезней, а Достоевский, наоборот, не страдал эпилепсией (хотя он сам и говорил об этом), а очень ловко её имитировал (возможно, даже бессознательно). На медицински непросвещённый взгляд автора, если считать, что «нервная» болезнь Маркса началась после 1870 года, где-то в это время у Маркса был небольшой инсульт, последствия которого и приводили к болезненному состоянию нервной системы. В это время из значимых событий, которые могли вызвать инсульт, можно отметить Гаагский конгресс I Интернационала – окончательный раскол с анархистами. И хотя конгресс закончился победой Маркса, но победа эта оказалась пирровой – Генеральный Совет пришлось перевести в Нью-Йорк, после чего это детище Маркса и Энгельса тихо кончило свой короткий век, как неудачная попытка политической организации рабочего класса.

Ожидая мировую социалистическую пролетарскую революцию, Маркс и Энгельс понимали, что для успешной революции пролетариату требуется политическая организация – партия, и они пытались её создать. Однако и «Союз коммунистов», и I Интернационал оказались организациями преждевременными и вовсе не пролетарскими (большая часть членов «Союза коммунистов» была не наёмными рабочими, а ремесленниками; в русской секции I Интернационала не было ни одного рабочего и даже ремесленника: её секретарь Утин был сыном миллионера, а Любавин – богатого купца и банкира). А вот споров и склок в этих организациях всегда хватало, и горячий Маркс принимал активное участие в борьбе за пролетарскую линию – что, видимо и способствовало утрате здоровья. Именно через два года после конгресса Маркс был вынужден заняться регулярными лечениями на курортах; в то же время он прекратил работу над II и III томами «Капитала» и занимался лишь малообъёмными произведениями вроде «Критики Готской программы».

Кроме того, что состав этих партий был непролетарским, даже участие в работе партий пролетариата того времени не гарантировало их успех, в том числе потому, что пролетариат не дорос до культурного уровня буржуазии, которую он должен свергнуть. А история учит, что в конечном счете всегда побеждает более высокая культура (в её полноценном понимании). Даниельсон, например, не видел высокой культуры у русской интеллигенции, представители которой «не были в состоянии этого [нести знания] сделать только потому, что их самих упражняли гимнастикой ума на греческих спряжениях, так что у них самих не было никаких положительных знаний, знания действительной жизни, знания окружающей природы, причём, конечно, о развитии критической самостоятельной мысли (даваемой дисциплиной научных знаний), способной разобраться в усложняющихся условиях, развивающихся общественных отношениях и приспособиться к ним – не могло быть и речи» [14, с.IX].

Кроме того, что этот вывод ценен сам по себе, в нём Даниельсон замаскированно ведёт полемику с Плехановым, который в 1894 г. в предисловии к брошюре «Ф.Энгельс о России» писал: «Все беспристрастные исследователи согласны в том, что этот пролетариат обнаруживает страшную жажду знаний, неудержимое стремление к самообразованию. Наши социалисты из «интеллигенции» сделали бы огромную непоправимую ошибку, если бы не заметили этих признаков приближающегося политического пробуждения нашего рабочего класса и продолжали бы по-прежнему, как выражается один из героев Щедрина, «*пущать революцию*» только «*промежду себя*». [22 с.31]. Даниельсон очень верно полагал, что доктринёры и начётники – негодные учителя для рабочего класса.

Даниельсон вместе с Марксом боролся не только с искажителями марксизма (вроде Н.К.Михайловского), но и с некоторыми пропагандистами марксизма, которых он считал доктринёрами и начётчиками (не только «легальных марксистов» вроде Струве, но и Плеханова). Случайно или нет, но народник Михайловский, и социал-демократ Плеханов (и некоторые другие «марксисты») догматизировали идеи Маркса очень похоже. В письме в редакцию «Отечественных записок» (Михайловскому) Маркс писал: «... Ему [Михайловскому] непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, - для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека». Далее, сравнивая процесс пролетаризации крестьян в Древнем Риме и в Западной Европе, Маркс показывает, что они привели к разным результатам. «Таким образом, события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюции в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности» [20,с.120-121].

Даниельсон, ссылаясь на вышеприведённое письмо Маркса, формулирует чёткое отличие доктринёра от учёного: «... Доктринёры, или попросту начётчики, никогда не выясняли значение существующих явлений. Притом, как бы ни казалось огромно значение данной книги, будь это «Principia» Ньютона, «Mecanique celeste» Лапласа, «Origin of Species» Дарвина или, наконец, «Капитал» Маркса, - надо помнить, что есть ещё неизмеримо более великая книга, к которой необходимо постоянно обращаться и для проверки выводов, и для получения ответов на вновь возникающие вопросы, выдвигаемые ре-

альной жизнью, это – великая книга природы, действительной жизни, общественности» [14,с.XIII]. Эти слова Даниельсона заслуживают того, чтобы войти во все учебники будущих учёных – как естественников, так и обществоведов.

В этом же предисловии Плеханов (не имеющий серьёзных работ по политэкономии) выжал вначале из себя снисходительную похвалу исследователю, выводы которого он понял поверхностно, не заметив (или проигнорировав) того нового и оригинального, что Даниельсон внёс в науку: «В своей книге «Очерки нашего пореформенного хозяйства» г. Н. —он более или менее удовлетворительно указал на те противоречия, в которых вращается русский капитализм, и в которых, заметим от себя, еще раньше вращался капитализм западной Европы». И это апологетическое следование опыту Западной Европы, без учёта особенностей России (или другой страны, стоящей на ином уровне экономического развития, чем Западная Европа) – бич многих исследователей до сих пор.

Для Плеханова главное – опорочить своего оппонента Даниельсона, приписав ему идеи, которые тот никогда не разделял: «Устранить эти противоречия должно и может, по мнению г. Н. —она, *русское общество*. Смысл этого слова — *общество*, вообще говоря, очень не определен, и на основании его трудно сказать, что имеет в виду г. Н. —он. Но наши «социологи», поспешившие с ним «*родными счасться*», истолковали загадочное выражение в смысле как нельзя более благоприятном для их консервативных, — если не реакционных, — штатс-социалистических планов. Такое истолкование показалось вероятным многим читателям, да и сам г. Н. — он не отрекся от новой, навязчивой и позорящей его «родни». Напротив, он сам протянул ей руку на страницах «Русского Богатства». Таким образом книга его легла в основу нового предрассудка, который можно формулировать так: *особенности нашего экономического развития не оставляют у нас места для политической самостоятельности рабочего класса*». [22,с.31]

Проживающий за рубежом политэмигрант Плеханов как будто не понимает, что у беспартийного банковского служащего Даниельсона в условиях России есть возможности публиковаться лишь в редких легальных изданиях, в которых он не мог высказать полностью своё мнение, и вынужден был прибегать к выражениям туманным и самым общим. А вот в письмах во французский журнал в конце 1868 - начале 1869 года Даниельсон более откровенно пишет, что «...По моему мнению, научный представитель экономических воззрений четвёртого сословия – К.Маркс» [13,с.111]; «Я уже говорил, что буржуазное общество подчиняется не тем же законам, как и феодальное, но законы буржуазного общества уже ближе к законам всего общества, так как каждая последующая сила поглощает в себя предыдущую; под четвёртым же сословием я понимаю всё общество, следовательно, и законы, выработанные для всего общества без исключения, и

могут быть названы / истинными законами общества. Итак, сословных антагонизмов в науке быть не может, и К.Маркса я назвал научным представителем идеи рабочего сословия, понимая под ним всё общество» [13,с.113-114]. Конечно, можно упрекать Даниельсона за индивидуальную терминологию, но ведь и общепринятой терминологии тогда по существу не было.

В России же догматизм начётчиков был усугублен политической и идейной борьбой между социалистами-народниками, и социалистами-марксистами, которая препятствовала и без того скудной научной работе; при этом особо непримиримым к народникам, как это часто бывает с отступниками, был их бывший коллега Плеханов, задававший тон среди социал-демократов. Эта политическая борьба надолго затруднила научный и идейный обмен, тем более необходимый для марксистов, что в рядах народников было немало учёных, занимавшихся конкретными научными исследованиями. Например, ещё в конце 19-го века народник Воронцов (псевдоним - В.В.) рассчитал долю аграрного перенаселения в России (по его оценке - 21% сельского населения избыточно), и его методика расчётов оказалась наиболее верной, так что народники в этом направлении опередили марксистов.

И в дальнейшем, когда Ленин сформулировал цель в Русской революции (тогда понимаемой и им, и прочими, как буржуазной) - создание «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», отличной от признаваемой догматиками только диктатуры пролетариата, ему пришлось отбиваться от упреков в «народническом пленении» как со стороны меньшевиков, так и со стороны части большевиков.

В полемике с Плехановым Даниельсон бьет по самому слабому месту оппонента: отсутствию собственных исследований, то есть, той дисциплины научных знаний, которая необходима для развития самостоятельной критической мысли. При этом дадим слово самому Плеханову (Г.Бельтову): «Г. Бельтов сказал, что «для решения вопроса о том, пойдет или не пойдет Россия по пути капиталистического развития, надо обратиться к изучению фактического положения этой страны, к анализу ее современной внутренней жизни. Русские ученики Маркса, на основании такого анализа, утверждают: нет данных, позволяющих надеяться, что Россия скоро покинет путь капиталистического развития». Г. Н.—он ехидно повторяет: «такого анализа нет». Будто бы нет, г. Н.—он?» [23,с.319].

Далее Плеханов, ничуть не смущаясь, ссылается на чужую работу, которая никак не доказывает его утверждение о том, что Россия не скоро покинет путь капиталистического развития, а показывает только давно известный факт, что капитализм в России развивается. Сейчас, через век с лишним, посмотрим, оправдался ли расчёт Плеханова? Через четверть века (в истории это «скоро») Россия покинула путь капиталистического развития, и социализм, который в ней

стал строиться, был вовсе не социализмом по примитивно понимаемому Марксу, то есть, чисто пролетарским. В октябре 1917 года, несмотря на заклинания Плеханова, меньшевиков, эсеров и кадетов о неготовности страны к социализму, в России была установлена совместная диктатура рабочего класса и крестьянства. Российское крестьянство пошло по пути социализма не с помощью пролетариата Западной Европы, как на это надеялся Маркс, а с помощью преимущественно собственного пролетариата. Кстати, именно об этом в своё время и говорил Даниельсон.

И хотя это не совсем относится к научному взаимодействию, в этой же работе Плеханова хорошо видно, как нагло догматик Плеханов, причисляющий себя к «русским ученикам Маркса», пытается изгнать из марксизма действительного ученика и научного соратника Маркса (автор считает для себя неприличным повторять эти пошлости). А о роли Даниельсона в распространении марксизма в России предоставим сказать Д.Рязанову, активному участнику революционной борьбы (вначале народнику, а затем социал-демократу и, кстати, инициатору и публикатору собрания сочинений Плеханова): «Читатель ... получает в своё распоряжение переписку между Марксом и Николаем —оном и может гораздо легче разобраться в вопросе о том, в какой степени Маркс был дающей или получающей стороной. Но и сами по себе письма Николая —она представляют большой интерес для изучения истории русского марксизма, особенно той группы марксистов, которые известны под названием «чистых». Современное поколение почти забыло Николая —она, а между тем было время, когда этот псевдоним был хорошо известен всякому русскому марксисту, которого интересовал вопрос о «судьбах капитализма в России». «Статья [«Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»], которая сразу выдвинула Николая —она в первые ряды русских экономистов, написана под непосредственным влиянием и руководством Маркса и при его сотрудничестве»; «Нет возможности оценить всё огромное значение работы Николая —она в истории нашей общественной мысли» [24,с.25,30,31]. Однако в части разложения капитализма на периферийный и капитализм метрополии эта статья в полной мере осмыслена не была, ибо само явление только начинало проявляться.

Но поскольку вопросы политического взаимодействия внутри партии и между партиями — тоже научный вопрос, входящий в учение о партии, революционной ситуации и теорию построения социализма, которые разработал через несколько десятков лет после Маркса Ленин на более широком российском и международном опыте (в том числе не только «Союза коммунистов» и I Интернационала, но II Интернационала и ряда других партий), то и стиль журнальной полемики — далеко не последнее дело. И в этой части Плеханов был далеко не образцом, особенно с возрастом, когда для него был характерен «далеко не научный тон полемики ... — нетерпимость, желчность, гра-

ничающая с оскорблениями» [8,с.130]. И это ещё сказано весьма мягко, ибо нередко Плеханов переходил грань оскорбления; например, «Апрельские тезисы» Ленина он назвал бредом сумасшедшего, а в упомянутом выше произведении о мировоззрении Даниельсона он выразился весьма пошло: «Его миросозерцание представляет собой плод незаконного сожительства теории Маркса с г. В. В.» [23,с.321]. Широкая публика знает о Плеханове больше всего со слов М.Горького в его очерке о Ленине, где о Плеханове говорилось весьма мягко: «Барин». Но вот что писал один из последних единомышленников Плеханова, работавший с ним в 1917 году: «Человек имел много достоинств, но характера у него не было. Он любил себя слушать, чего у Ленина не было. Он любовался собой, когда хорошо говорил, законная слабость, но у Ленина её не было. Он был очень чувствителен к восхищению других, и первый попавшийся льстец мог повлиять на него и заставить его изменить и мнение, и решение. У Ленина этого не было. ... Возражать ему было нельзя: он сейчас же выходил из себя и переходил на личности» [25].

Ленин же не только требовал от товарищей по партии товарищеского же отношения между собой, но и сам, чем дальше, тем больше был в этой части образцом. Как ни крыли его невыдержанные товарищи по партии, как ни тяжело он переживал эти нападки, он не позволял себе отвечать в том же духе. По воспоминаниям его сестры Марии Ильиничны, Ленин переживал, когда на одном из заседаний Троцкий назвал его хулиганом, но сдержал себя при ответе. Он уже вступил в острую политическую борьбу со Сталиным как по вопросу образования СССР, так и по его руководству РКИ и партийными делами, его личные отношения со Сталиным после оскорбления Крупской были крайне напряжёнными – но в своем политическом завещании Ленин высказал своё отрицательное мнение о нём весьма выдержанно. Даже в личной беседе с сестрой он ограничился вежливым согласием передать Сталину привет. Когда сестра на холодный тон брата сказала: «Но, Володя, - продолжала я, - он всё же умный, Сталин». «Совсем он не умный», - ответил Ильич решительно и поморщившись» [26].

Но мы несколько отвлеклись от Плеханова и его научного взаимодействия с Энгельсом и Даниельсоном (Маркса публицист Плеханов глубоко не усвоил, как и диалектики, да и Маркс с ним не переписывался). Не проводя исследования о всём вкладе Плеханова в науку, можно отметить, что в сборнике «К.Маркс, Ф.Энгельс. Письма о «Капитале» опубликовано 14 писем Маркса Даниельсону, 15 писем Энгельса Даниельсону, и всего одно письмо Энгельса Плеханову [18]. Если же посмотреть на всю переписку Маркса и Энгельса с русскими адресатами, то известно, что из 50 писем Маркса и 94 писем Энгельса 18 и 29 писем соответственно были адресованы Даниельсону, по интенсивности переписки Маркса и Энгельса в русскими авторами Даниельсон уступает только П.Лаврову [27,с.149].

Единственное письмо Энгельса, адресованное Плеханову в сборнике «Письма о «Капитале», связано именно с Даниельсоном – но не связано с «Капиталом»! Дело в том, что, не справившись с Даниельсоном в публичном споре, Плеханов решил использовать авторитет Энгельса, для чего в клеветническом письме приписывает Даниельсону нанесение большого ущерба революционному движению и содействие царизму, и просит Энгельса дать отпор этому врагу революционного движения [13,с.721-722]. При том, что Энгельс был не согласен с основным положением Даниельсона о том, что Россия имеет возможность в своём развитии пойти путём, не повторяющим развитие капитализма в Западной Европе, в это время он как раз подыскивал переводчика для издания книги Даниельсона на немецком языке, и при этом сам обещал издателю написать на эту книгу отзыв (что он делал чрезвычайно редко даже по просьбам товарищей). Поэтому на просьбу Плеханова Энгельс ответил вежливым отказом, сославшись на занятость (именно это письмо Плеханову и попало в указанный выше сборник).

Более того, в своём ответе, соглашаясь в принципе, что в такой странной стране, как Россия «народник, бывший террорист, может кончить тем, что станет приверженцем царизма», Энгельс бросает камешек в огород бывшего народника и террориста Плеханова и его друзей, некоторые из которых, например, Тихомиров, как раз перешли на службу царизму (Даниельсон никогда не был народником и террористом) [18,с.300]. Настырный Плеханов в очередном пасквильном письме называет Даниельсона предателем, заслуживающим ордена от Николая II, и продолжает уговаривать Энгельса найти время для атаки на Даниельсона [13,с.724-726]. Но Энгельс на уговоры не поддался. Более того, в беседе с русским учёным Воденом (в это время работавшим с архивом философских работ Маркса и Энгельса) Энгельс, рассказав о попытках Плеханова, посмеиваясь, сказал, что не даст Даниельсона на растерзание Плеханову.

Кроме того, во время последней встречи с Энгельсом Воден получил от него «экземпляр «Очерков» Н -она», только что вышедших в России (из числа нескольких книг, присланный Даниельсоном Энгельсу), а «Плеханову Энгельс поручил мне передать дружеский совет: заняться главным образом достойными его научными трудами, особенно по аграрному вопросу, но не в форме полемики, а по существу...» [19,с.348]. Энгельс фактически упрекнул Плеханова в том, что тот занимается не серьёзными научными исследованиями, а только публицистикой – то есть, по существу повторил упрёк Даниельсона.

Завершая вопрос о взаимодействии Даниельсона с Энгельсом, приведём ещё одну цитату Володина и Итенберга: «Кончина Энгельса явилась новым ударом для Даниельсона. Он делился в Н.А.Каблуковым: «Последнее письмо, которое я от него получил, было от 06 июня [1895г.], в котором он пишет (самое коротенькое): «Я

в настоящее время довольно плохо себя чувствую (ничего, впрочем, серьёзного) ... Надеюсь, что скоро смогу сообщить Вам лучшие известия». Это в ответ на множество моих вопросов чисто теоретического свойства ... И действительно, только смерть не дала ему возможности поделиться своим взглядом: такого отзывчивого, терпеливого (на мои-то письма!!) такого добросовестного искания истины и такого, можно сказать, близкого человека потерять было очень тяжело... Да, для меня потеря Ф.Ф. невознаградима» [12,с.95].

И вот теперь можно вернуться к вопросу, который, судя по всему, был камнем преткновения и в работе Маркса над «Капиталом», и в спорах Даниельсона с Энгельсом (спором с Плехановым можно пренебречь, ибо со стороны Плеханова в нём не было ни научности, ни самостоятельности). Одно из ключевых положения «Капитала» - положение о том, что «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего» [28,с.9], было оспорено и развито Даниельсоном как на материалах исследования российской экономики, так и на глубоком философском уровне [29, 30].

В работах Даниельсона было раскрыто начало того процесса, который в дальнейшем (в середине XX века) привёл к концепции разделения капиталистической системы на две подсистемы: капитализма центра, метрополии, и периферийного капитализма. Из опыта развития капитализма за последний век на основе этой концепции (даже в её убогом и искажённом варианте «мир-системного анализа») был сделан вывод о том, что в рамках капиталистической системы страны капиталистической периферии не могут повторить путь развития, который прошли страны капиталистической метрополии). Одним из современных последователей мир-системщиков был Самир Амин; при обсуждении его книги (в присутствии её автора) [31] было отмечено, что Амин сформулировал «очень важное понятие империалистической ренты. ... Империалистическая рента ... выражает сущность самого феномена периферийного капитализма. ... А природа экономическая периферийного капитализма состоит в том, что он значительную часть доходов, созданных населением этих стран, безвозмездно передаёт транснациональному капиталу центра» (Р.С.Дзарасов [31,с.55-56]). Изъятие этой империалистической ренты приводит к тому, что развивающиеся страны не только не могут догнать развитые, но и становятся ещё беднее: «Пауперизация абсолютно реальна» (С.Амин [31,с.75]). Из выводов Амина стоит отметить, что «Вырваться из подобной ситуации [экономической отсталости], добиться успеха в догоняющем развитии ... можно только за счёт «отключения» национальной экономики от мировой капиталистической системы» (этот вывод сформулировал С.Д. Бодрунов [31,с.18]). Но в последней четверти 19-го века это явление, как и признаки перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм (империализм) только начало созреть.

Маркс сам убедил Даниельсона написать первую статью, используя, в том числе, его письма, и одобрил её, но эта статья не могла повлиять на работу над «Капиталом». Первым шагом по учёту формирования периферийного капитализма и к выводам о том, что не может быть единого пути к социализму, Маркс сделал в письмах в редакцию «Отечественных Записок» [20,с.120-121] (о котором мы уже говорили выше) и Вере Засулич (тогда народнице). В ответ на вопрос Засулич о перспективах развития русской общины Маркс писал: «Анализ, проведённый в «Капитале», не даёт ... доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвёл на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития» [18,с.234]. В незавершенных набросках к этому письму Маркс делал более глубокий анализ перспектив общины, но, видимо, состояние здоровья не позволило Марксу их окончательно развить [20,с.400-421]. В то же время идея этого письма в части перспектив развития общины как раз и повторялась затем Даниельсоном, вызывая нападки в утопизме (в том числе Плеханова).

Представляется, что перед Марксом стояла непростая дилемма: либо учесть результаты исследований Даниельсона - или, не учитывая их, продолжать работу над «Капиталом» с тем, чтобы в последующих изданиях ввести соответствующие поправки. Эта дилемма была для Маркса настолько сложной, что он не посвятил в неё даже Энгельса - тем более, что он мог с уверенностью знать его точку зрения: сначала следует завершить работу над «Капиталом», а затем вносить в неё уточнения. Энгельс твёрдо знал, что рабочему классу необходимо завершение работ над «Капиталом» - хотя бы в том виде, в котором он фактически уже существовал в представлении Маркса. В письме Бебелю от 30 августа 1883 года (через полгода после смерти Маркса) Энгельс писал: «Ты спрашиваешь, как так случилось, что даже я не знал, насколько продвинулась работа? Очень просто - если бы я знал это, то не давал бы ему покоя ни днём, ни ночью, пока книга не была бы закончена и напечатана. И это Маркс понимал лучше, чем кто бы то ни было...» [18,с.246]. На самом деле, как это понял Энгельс чуть позже, разбирая рукописи, работа над ними была прекращена, в основном, в 1869-1870 годах, и лишь небольшая часть второго тома была написана позже, в 1875-1878 годах. Очевидно, что оба варианта были для Маркса неприемлемы, и оба варианта упирались в болезнь Маркса. У него просто не хватало сил для того, чтобы доделать уже почти готовую часть работы, не говоря уже о коренной перестройке изложения.

В работе «К критике политической экономии» [32] (и в предисловии, и в главе «Метод политической экономии»), Маркс дал фактически план работы над «Капиталом», и он существенно отличается в предисловии от методологической главы, а в самой работе над «Капиталом» - и от предисловия, и от заявленной методологии: литературный обзор (то, что потом вошло в состав четвёртого тома – «Теории прибавочной стоимости»), который должен предварять работу, оставлен на «потом», а в первую очередь сделан анализ товара, и от него, через простое товарное производство – к капиталистическому производству. То есть, за основу всего изложения, за его ячейку, ядро, из которого выросла вся работа, взято понятие товара, причём развитие изложения так и не дошло до того, чем оно должно завершаться (и с чего начинаться) – с населения, с классов и др.

При этом за ячейку, из которой показано развитие всей политэкономии взята не реальное явление, которое являлось и является основой развития экономической жизни человечества – общественное разделение труда – а промежуточное, приблизительное и частичное понятие товара, которого не было в первобытно-общинном коммунизме, и не будет в коммунизме пролетарском.

Маркс прекрасно понимал, что построенная им политэкономия стоит на недостаточно общем фундаменте, ибо о роли общественного разделения труда он с Энгельсом писал ещё в «Немецкой идеологии». Но для другого, более глубокого и общего фундамента тогда не было – да и нет сейчас – соответствующего экспериментального базиса. Кроме того, построение политэкономии на базисе общественного разделения труда было не только невозможным из-за отсутствия фактических данных (ибо до сих пор неясно даже, как и в чём измерять это явление), но и практически полностью порывало бы со всем предыдущим развитием политэкономии. Если «Капитал», хоть и с трудом, пробил фронт буржуазной политэкономии, то работа, написанная в совершенно других понятиях, была бы просто никем не понята, и при всей научной значимости из-за своей научной революционности осталась бы вне практики.

Ситуация в политэкономии чем то похожа на ситуацию в химии флогистонного уровня, при этом отказа от товара как клеточки, из которой развилась вся научная политэкономия, до сих пор не произошёл. Поэтому Маркс действительно создал не общую политэкономия, а политэкономия товарного производства, причём преимущественно капиталистического способа товарного производства. Хотя между товаром и общественным разделением труда имеется однозначная связь: «...Разделение труда и частная собственность – тождественные понятия, в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности» [33], но очевидно, что продукт деятельности является следствием деятельности, но не наоборот. А частная собственность на продукт труда в свою очередь является предпосылкой для обмена,

для появления товара. Если проводить дальнейшую аналогию с химией, то значительных успехов химии удалось добиться и при флогистонной теории, и до принятия атомно-молекулярной теории, но лишь понимание атомно-молекулярного строения вещества и строения электронных оболочек атомов поставило химию на её действительный базис.

Позиция гуманиста и коммуниста Энгельса, как мы знаем, была иной: необходимо было завершить практически законченный труд на том уровне знаний, которые имелись в то время, а не исследовать ради интересов чистой науки. Наука – не цель жизни общества, а средство для жизни. Негуманный капитализм при своём стихийном развитии приносил не только гигантский прогресс в развитии производительных сил, но и страдания миллионам и сотням миллионов людей. Эти страдания можно было бы избежать при разумном, коллективном ведении хозяйства, то есть при социализме. Социализм – это не сказочный коммунизм с манной небесной, но разумное, плановое хозяйство в интересах всего общества, в интересах развития каждой личности. Для его построения пролетариату необходим соответствующий теоретический базис. Марксизм, в том числе марксистская политэкономия такое теоретическое основание даёт. Улучшать и перестраивать политическую экономию можно и позже. Кто это сделает – уже не важно: Маркс, Энгельс, либо никому не известная Вера Иванова (надо кинуть косточку феминисткам ☺ ; а поскольку это и один из псевдонимов автора, то и удобный повод себя похвалить – от современников признания фиг дождёшься ☹).

А вот теперь мы вернёмся к тем предвидениям Энгельса, с которых мы начали статью: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение ещё недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он может сделать, зависит не от его воли, а от того уровня которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий» [2].

Именно такая ситуация сложилась в России в 1917 году, когда вожди мелкобуржуазных и буржуазных партий (меньшевики, эсеры и пр.) вели страну к катастрофе, и большевики под руководством Ленина были вынуждены для предупреждения анархии взять власть в крестьянской стране, не готовой к строительству пролетарского социализма. А власть была установлена не только с опорой на малочисленный рабочий класс, но и с опорой на крестьян, преимущественно общинников, составлявших большинство армии и флота. В результате этого в России была установлена совместная диктатура рабочего класса и крестьянства, не предсказанная прямо Марксом, но вытекающая из его подхода, изложенного в письме Засулич и

близкого к ожиданиям Даниельсона. Конечно, то, что было осуществлено в Октябре 1917 года, оказалось гораздо сложнее и противоречивее любых частных прогнозов, но, в общем, история пошла не по пути догматически понимаемого марксизма.

Прошло почти полтора века после обнаружения расслоения капитализма на две части, а затем и более века со смены капитализма свободной конкуренции монополистическим капитализмом, а адекватной цельной научной теории этих процессов до сих пор не существует (Ленин на первом этапе развёртывания монополистического капитализма не мог охватить весь процесс в целом – явление ещё не созрело). Более того, если Маркс, Даниельсон, Энгельс и Плеханов спорили о сущности будущей русской революции и социализма за несколько десятков лет до социалистической революции, то прошло уже более века после революции, а политэкономы до сих пор не решили вопроса о её сущности. Та классовая оценка, которая дана автором в полном соответствии с оценками Ленина: в России в результате Великой Октябрьской социалистической революции была установлена совместная диктатура рабочего класса и крестьянства (мелкобуржуазно-патриархального) до сих пор не воспринимается политэкономом. Они либо идут по следам фальсификатора Сталина, утверждавшего, что в СССР была установлена диктатура пролетариата, либо следуют анархистской идее о СССР как стране государственного капитализма, либо удовлетворяются бессмысленными ярлычками (ранний, мутантный, государственный и пр. социализм). Вопрос же о сталинской контрреволюции, которая «выдавила» малочисленный рабочий класс из совместной диктатуры, тем более не воспринимается историками. И нам, учёным, давно пора провести пересмотр многих догм (преимущественно сталинских) на историю развития общества вообще и России (СССР) в частности именно с точки зрения материалистической диалектики.

В политэкономии давно назрел кризис (о других неразрешённых или неосознанных проблемах автор писал в других работах). Его разрешение будет прорывом на пути становления политэкономии как полноценной естественной науки.

Литература

1. Энгельс – теоретик, М., Политиздат, 1970, 455с.
2. Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения, т.7, с.422-423.
3. Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения, т.8, с.584.
4. Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения, т.28, с.490-491.
5. Исайчиков В.Ф. Марксизм, Маркс, «марксисты» / «Просвещение», №1, 2019, с.1-17.
6. Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения, т.1, с.118.
7. Kuroda K. Engels' Political Economy (On the Difference in Philosophy between Karl Marx and Friedrich Engels), Tokyo, Akane Books, 2000, 350 с.
8. Зверев В.В. Капитализм и будущее России в идейном наследии Н.Ф.Даниельсона М.: РУДН, 2018.

9. Адамовский Э. Н.Ф. Даниельсон в истории русской политической мысли: был ли Плеханов «отцом русского марксизма»? / «Альтернативы», №4, 1998, с.143-157.

10. Марков Д. Борьба с народничеством как злейшим врагом марксизма, Л., 1937 г., 35 с.

11. Ленин В.И., ПСС, т.1, с.624.

12. Володин А.И., Итенберг Б.С. Карл Маркс и Николай Даниельсон / «Вопросы истории», №11, 1983, с.83-95.

13. Володин А.И., Итенберг Б.С. Из истории полемики вокруг «Капитала» в России / «Вопросы философии», №3. 1975, с.108-118.

14. Николай –он (Даниельсон Н.Ф.) Объяснительная заметка, с.ХI / «Минувшие Годы», №1,1908.

15. К.Маркс. Ф.Энгельс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1967.

16. Маркс К. «Капитал. Критика политической экономии» - СПб.: Из-во Н.П.Полякова, 1873.

17. Исайчиков В.Ф. Загадки «Тезисов о Фейербахе» / «Просвещение», №1, 2014, с.25-37.

18. Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». – М.: Политиздат, 1986.- 352с.

19. Воспоминания о Марксе и Энгельсе М., Политиздат, 1956, 423с.

20. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 19.

21. Гемков Г. «Мы прожили не напрасно...»: Биография Карла Маркса и Фридриха Энгельса. – М.: Политиздат, 1985.- 336с.

22. Плеханов Г.В. Предисловие к брошюре «Ф.Энгельс о России» с.30-32 / Сочинения. Т.IX, М-Л, Госиздат,1923, 367с.

23. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / Сочинения. Т.VII, М-Л, Госиздат,1923, 332с.

24. Рязанов Д. Предисловие к переписке К.Маркса с Николаем –оном, с.23-33. / «Летописи марксизма», II (XII), М.,1930, с.25-131.

25. Костицын В. А. «Мое утраченное счастье...»: Воспоминания, дневники. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

26. «М.И.Ульянова об отношении В.И.Ленина к И.В.Сталину» / «Известия ЦК КПСС», №12, 1989, с.196-201.

27. Ц.И. Грин «Переводчик и издатель «Капитала». Очерк о жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона», 1985.

28. Маркс К. «Капитал» Т.I, М.: Политиздат, 1983, 905с. (с.9)

29. Николай –он (Даниельсон Н.Ф.) Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства, 1880, отдельный оттиск статьи из журнала «Слово».

30. Николай –он (Даниельсон Н.Ф.) Несколько слов об основных положениях теории Карла Маркса / «Русское богатство», 1897, №1, с.28-37.

31. Международный экспертный диалог «Через 100 лет после Революций: подводя итоги / Материалы научного семинара ИНИР им. С.Ю.Витте / Под общ. ред. С.Д.Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю.Витте, 2017, - 83с.

32. Маркс К. К критике политической экономии, б/м: Госполитиздат, 1952, 270 с.

33. Маркс К. Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т., т.2, с.29 –М.: Политиздат, 1985.